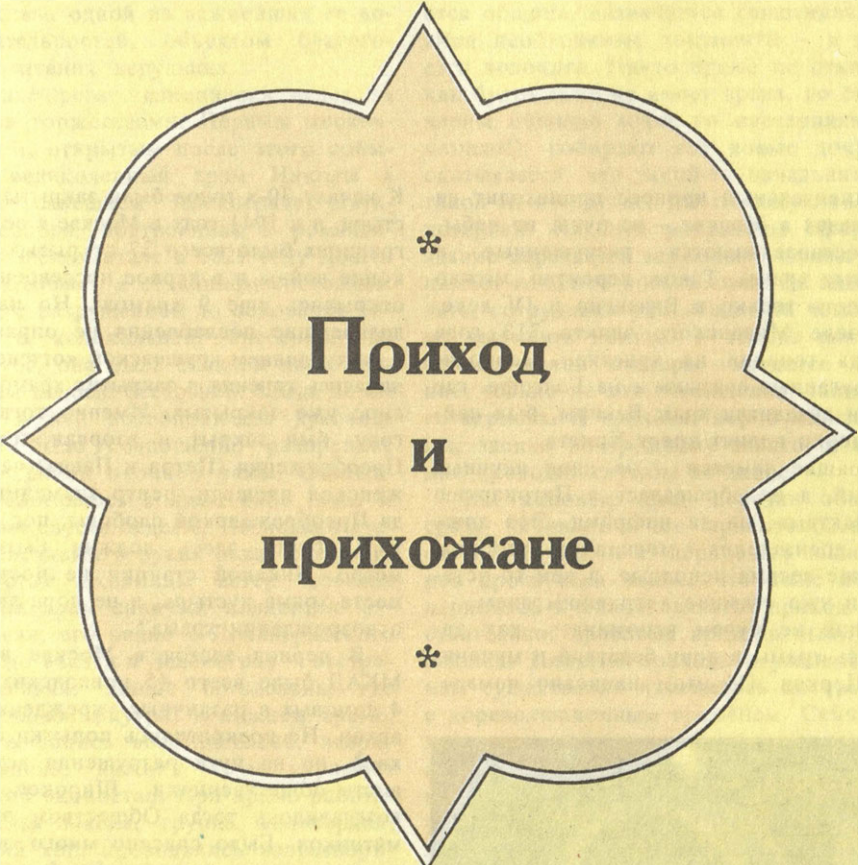

Чудотворная икона Донской Богоматери

*

Приход и прихожане

*

На Рождество храмы украшают еловыми ветками, вербой на Пасху, на Троицу – ветками березы. В них домашнему уютно, тепло, чисто, горят свечи, мерцают оклады, иконы. Батюшка смотрит на вас добрыми глазами, его проповедь проста и доходчива. Такие картины многим знакомы – они напоминают то, что верующие видят в своем приходе. Приходская церковь и ее батюшка ближе всего стоят к человеку и его нуждам. И потому, наверное, у каждого есть свой любимый храм, особая к нему привязанность. Приходом жива церковь, на него опирается

Нива Христова

Нина Пашаева

Удивительный процесс происходит на наших глазах в Москве – из руин, из небытия восстанавливаются разрушенные и поруганные храмы. Такое, вероятно, можно было видеть только в Византии в IV веке, когда после Миланского эдикта 313 года кончились гонения на христиан, возродились поруганные святыни и на Голгофе, где язычники воздвигли храм Венеры, был найден и высоко поднят крест Христа.

Настоящие заметки – не плод научных изысканий, я не обращалась в Патриархию ни за фактами, ни за цифрами. Это лишь живые впечатления москвички-историка, пусть даже весьма неполные, в чем-то устаревшие и уже ставшие вчерашним днем.

Сегодня не будем вспоминать, как закрывались храмы в пору бедствий и мученичества Церкви. Об этом написано немало.

К началу 30-х годов были закрыты все монастыри, а к 1941 году в Москве в ее нынешних границах было всего 37 открытых храмов. В конце войны и в первое послевоенное время открылись еще 9 храмов¹. Но надежды на дальнейшие послабления не оправдались, а с наступлением хрущевской «оттепели» вновь начались гонения и закрытия храмов, а также снос уже закрытых. Именно тогда, в 1964 году, был закрыт и взорван храм Спаса-Преображения (Петра и Павла) на Преображенской площади, центр знаменитой некогда Преображенской слободы, под предлогом того, будто здесь должна быть станция метро. Никакой станции не построили, на месте храма пустырь, и не пора ли подумать о возрождении храма?

В период застоя в Москве в пределах МКАД было всего 45 приходских храмов и 4 домовых в различных учреждениях Патриархии. Не прекратились попытки сноса церквей, но на пути разрушения встали активисты-общественники. Широкое движение возглавилось тогда Обществом охраны памятников. Было спасено много обреченных на разрушение и дальнейший снос зданий. Для консервации памятников, иногда уже превращенных в развалины, собирались на субботники десятки энтузиастов – интеллигенция, рабочие, пенсионеры, школьники. Обязательно полагалось сообщение по истории и архитектуре самого памятника, читались лекции по истории Москвы.

Возвращение святынь началось с единичного случая – в преддверии празднования 1000-летия крещения Руси нужно было подобрать подходящий объект под центр Патриархии. Покойный патриарх Пимен остановился на Даниловом монастыре. (Как рассказывали тогда, ему предлагали Донской монастырь, но реставрация его была слишком дорога.) В Даниловом монастыре – первом монастыре Москвы, основанном в конце XIII века и закрытом последним в 1930-е годы, – находилась колония для несовершеннолетних преступников. Монастырь был в развалинах, снесена колокольня, в Троицком соборе не было полов, в самом непоказанном месте – остатки санузла. Началось восстановление, ставшее истинно

народной стройкой, — москвичи почитали за святой долг поработать в монастыре, пожертвовать на его возрождение. К празднованию 1000-летия крещения Руси монастырь был полностью восстановлен и стал жемужиной Москвы, одной из важнейших ее достопримечательностей, объектом благоговейного почитания верующих.

Положение резко изменилось вслед за юбилейными торжествами. Первым московским храмом, открытым после этого события, стал великолепный храм Николы в Ржавках, в нынешнем Зеленограде. Двухэтажная церковь, построенная в романтическом готическом стиле в 1827 году Долгорукими, находилась в отчаянном состоянии. Без креста, с разрушенной до основания богадельней, с колокольней, снесенной до первого яруса, она была складом пионерлагеря, а затем вообще бесхозной. Когда летом 1988 года в ней возобновилась духовная жизнь, это было совершенно разоренное здание без единой оконной рамы. Освящение работ состоялось в июле 1988 года. Я была в храме спустя неделю. Несколько старушек со свечками в руках пели, и влетавший в пустые оконницы ветер шевелил пламя. Ныне храм снаружи полностью отреставрирован, его видно с Ленинградского шоссе еще до въезда в Зеленоград — отстроены колокольня, здание богадельни, где ныне крестильня. Внутри, в нижнем храме, настенная живопись восстановлена, сверху сделана заново, нижний храм украшает новый резной иконостас. При храме работает воскресная школа, группа милосердия, поет детский хор, проводились благотворительные концерты духовной музыки.

После Зеленограда началось открытие храмов в самой Москве. Несколько церквей на окраинах были возвращены в 1989 году — в Тропареве, Крылатском, Спас на Сетуни и другие. Затем стали открываться храмы и в центре Москвы.

Большая часть церквей прошла или проходит тот же путь, что и Данилов монастырь, — от запустения и развалин до жемужин архитектуры, украшения округи. К сожалению, путь этот оказывался тяжел и часто долог.

Сначала местные власти чинили всяческие препятствия для передачи зданий, даже пустых и бесхозных, в руки верующих. (Автору пришлось лично участвовать в таких переговорах в тогдашнем исполкоме.) В ту пору — а был уже 1986 год! — общине так и не отдали храм в Бусинове, хотя он представлял собой сплошные развалины и не имел хозяина. Лишь позднее его возвратили верующим. В 1992 году мэр Москвы Ю.М. Лужков издал распоряжение, по которому Церкви передаются все храмы. Юридически во-

прос был решен, формально ни местные власти, ни находящиеся в храмах учреждения не могут препятствовать их передаче приходам. Фактически же положение складывается далеко не простое. Сначала создается община, назначается священник. Подаются необходимые документы — и начинается волокита. Никто прямо не отказывает, как будто даже не имеет права, но староста, члены общины ходят по инстанциям (а их немало!), собирают все новые документы, оказывается, что такой-то начальник занят, такой-то в отъезде, где-то какую-то бумагу потеряли. Наконец документы оформлены, здание передается верующим, однако его занимает какая-то организация. Ее надо выселять, сотрудники уже «сидят на чемоданах», но выезжать некуда. У города для любой коммерческой конторы находится помещение, только не для учреждения, занимающего церковь. И проходят порой многие месяцы, здание по-прежнему занято, а священник проводит службы во дворе.

Но, наконец, храм передан общине, и сразу начинается его приспособление для служб. На одном из церковных наших соборов прозвучала мысль, что ныне основной церковной ячейкой является приход. И действительно, проблема прихода ныне — важнейшая. Понятие прихода в условиях Москвы существенно изменилось по сравнению с дореволюционным временем. Сейчас приход — понятие нетерриториальное, это центр духовной жизни людей, приезжающих в «свой» храм с разных концов Москвы, порой из пригорода. Сохранившиеся за 70 лет неразоренные храмы объединили устоявшийся круг людей, любящих свой причт и свои стены. Вновь открытые приходы соединяют новых людей. И в зависимости от настоятеля эти приходы очень разные. Иные включают в себя большей частью людей пожилых, и есть приходы «молодежные», приходы священников-новаторов и сторонников традиционных форм. Подчас обращается внимание на внешнюю сторону, даже одежду. Уже не удивляет висящее на дверях красиво написанное объявление: «Братья и сестры! Входить в храм в одежде с короткими рукавами, а женщинам без головного убора, в брюках и коротких юбках по церковным правилам запрещается». В других приходах, наоборот, не требуют подобных формальностей. Следуя заветам ранней церкви, в ряде приходов положено причащаться каждую неделю. В других не обязательны частые причащения. Есть приходы с жесткими правилами поведения: войдешь во время службы — стоящие кругом недовольно оглянутся, выйдешь — проводят осуждающим взглядом. И есть храмы, куда можно зайти запросто, постоять, вздохнуть, поставить свечку

и тихо выйти.

Каждому верующему предоставляется возможность выбирать «свой» приход вне каких бы то ни было ограничений. Думается, не все понимают эту истину, и именно тем можно объяснить встречающееся иногда разочарование — они просто попали не в «свой» приход. В приходах неразоренных за семьдесят лет церковью, почти всегда многолюдных, соборно община ограничивается узким кругом, зато во вновь открытых храмах среди нищеты и развалин складывается порой настоящее братство.

Когда начали возвращать храмы верующим, скептики предрекали, что в центре Москвы их так много, что они станут пустовать. Этого не произошло. Прав оказался Патриарх Алексей II, сразу сказавший, что церковь берет все храмы. Действительно, масса верующих, издали, в тесноте слушающая службу, — далеко не лучшая форма молитвы. В «новых» храмах в центре Москвы этого нет, народу большей частью относительно немного и богослужение приближается к молящимся, как это прежде велось в московских храмах. Нельзя забывать — старинные московские церкви были вначале небольшими, в тесном помещении в едином молении объединялись и клир, и прихожане. Лишь позднее к малым храмам стали пристраивать большие трапезные, с XVIII века строились обширные новые церкви, распространялось великолепное «партесное» пение, но постепенно в какой-то своей части молящиеся превращались в слушателей.

В небольших помещениях, в которых начинают жизнь новые приходы, нет возможности держать обширные хоры и исполнять духовные концерты, но истово звучат молодые голоса под пустыми сводами. Первые торжественные служения среди развалин — удивительное явление. Часто вместо подсвечников — тазики с песком, вместо паникадил — лампочка, нет еще разноцветных облачений, но служат торжественно, полным чином, как в благополучных церквях. Именно в этой бедности и разрухе подтверждаются слова Е.Трубецкого, что «во храме объединяют не стены и не архитектурные линии: храм не есть внешнее единство общего порядка, а живое целое, собранное водно духом любви»².

Особенно отрадное впечатление производит истовое служение, когда по каким-то причинам храм почти пуст. Автору этих строк дважды довелось быть на таких богослужениях. Во время ремонта правого придела церкви Успения в Путинках, единственного места, где можно было служить, болел священник. В помещении не было света и стекол в окнах. Но был вечер субботы, и встретившая меня на пороге приветли-

вая женщина сказала: «У нас батюшка в больнице, мы сами служим». В темном храме присутствовало всего человек пять, на аналое большая книга, ее по очереди читают, освещая страницы свечкой, и, когда надо, все поют... А в храме Троицы в Хохловке, приписанном к храму Владимира в Старых Садах, в тот вечер, когда я была, весь приход находился во владимирском храме. Но в Троице была отслужена полная всенощная. Служил молодой священник, совсем юный диакон, четверо певчих и один чтец. А прихожанами были две пожилые женщины и девочка — они же продавали свечи.

Новые приходы не гонятся за большим числом молящихся, но, как и в старой Москве, церкви зачастую стоят рядом и не пустуют. Разнообразная, снаружи мало видная, но интенсивная духовная жизнь прихода оправдывает еще раз изречение св. Димитрия Ростовского: «Церковь не в бревнах, а в ребрах». Но проблема тех же, образно говоря, «бревен» стоит также достаточно остро. Обычно, если даже снаружи храм и не поврежден, внутри за время его использования под какое-либо учреждение столько возводилось перегородок, подчас делались вторые и даже третьи этажи, что, после того как их убрали, помещение представляло сплошные развалины. Чтобы восстановить службу, наскоро белят стены — чаще всего на уровне человеческого роста, выше нельзя, сохранились остатки росписи, страшные, почерневшие. Но позже, где можно, стараются возобновить старую роспись, а не расписывать стены вновь. Если есть возможность, вешают торжественное паникадило, ставят подсвечники — работу софринских мастеров. Но, главное, устанавливают алтарную преграду. Стараются, чтобы была понаряднее, покрасивее. Например, в церкви Сергия в Крапивках иконостас покрыт золотисто-коричневым шелком и так стоит уже несколько лет. Царские врата тоже бывают разные — от легких реек до тяжелых «ворот» из строганных досок. Икон во вновь открытых храмах обычно мало, большинство их — из домашних «красных углов». На алтарной преграде обычно три образа — Спасителя, Божией Матери и Праздник. В последнее время часто встречается нарядный праздничный ряд: на алтарную преграду помещены, а то и просто наклеены бумажные иконы праздников.

Обычно богослужение начинается в приделе и лишь затем расчищается главный храм. Дело это тяжелое и долгое. На церковь и конкретно на каждый приход ложатся непомерные экономические нагрузки. Прибыли от продажи свечей, от «тарелки» и поминаний обычно невелики. Вначале порядочный доход давала продажа духовных книг.

Теперь духовные книги относительно недороги и не решают денежных вопросов, хотя иконная и книжная лавка есть почти при каждом храме. Иногда храм налаживает издание духовной литературы, ксерокопирование (Спас в Тушине), выпуск собственной газеты, например, газета «Лампада» при церкви Знамения в Ховрине. Но многие новые приходы отчаянно бедствуют. Правда, богатые спонсоры порой помогают церквям, дай Бог, чтобы эта рука не оскудела. Думается, и городским властям следовало бы оказывать помощь в реставрации церковных зданий, являющихся украшением города, ведь на Церковь теперь возложено восстановление памятников архитектуры, которое финансировалось ранее из городского бюджета.

Еще один круг вопросов, на мой взгляд, надуманных, но на которые так падка пресса, а порой и некоторые представители интеллигенции, — это взаимоотношения музеев и Церкви. Как известно, храмы Кремля и еще несколько церквей были превращены в музеи. Кроме того, много церквей использовались как помещения для учреждений культуры. Ярые «защитники культуры» смешивают эти два совершенно разных явления. Церкви-музеи, очевидно, должны сохранять свой двойной статус — в музеях Кремля уже найдены вполне допустимые формы сосуществования музея и храма. Конечно, когда верующий не может поставить свечку перед образом, а в храм идут по билетам, — далеко не лучший вариант, но иначе, очевидно, нельзя. Сейчас в Патриархии создана специальная структура, гарантирующая сохранение памятников, находящихся во владении Церкви. Тесное ее взаимодействие с музеями, думается, и есть залог сохранения нашего национального достояния.

Гораздо хуже обстоит дело с церквями, занятыми под культурные учреждения. Нередко, вместо того чтобы требовать себе помещение от городских властей, руководители таких учреждений пытаются не пустить общину в свои владения. Подключаются пресса, авторитетные имена и создается картина преследования культуры со стороны церкви. Городские власти часто не стараются помочь найти подходящее здание. Наоборот, конфликт им на руку. Волокита длится подолгу. В конце концов церковь открывают, но в такой ситуации выступают моральные потери с обеих сторон, тем более что и община порой не проявляет достаточного терпения по отношению к арендаторам, которым долгое время попросту некуда деться.

Сейчас страсти разгораются и по поводу древних образов, исторических святынь, находящихся в музеях. Но и здесь можно найти разумный компромисс, при котором будет

обеспечена и сохранность памятника, и доступность святыни для молящихся. Например, было принято решение, что «Троица» Рублева и икона Владимирской Божией Матери передаются в Успенский собор, где хранятся подобные же древние святыни. Церковь Николы в Толмачах, бывший запасник Третьяковской галереи, становится храмом при галерее, его общину возглавляет Ольга Александровна Корина — директор филиала галереи, музея П.Д.Корина, а священник храма отлично сведущ в древнерусской живописи.

Чем же располагают сейчас все вместе взятые общины Москвы? Весной 1993 года в издательстве братства святителя Тихона вышел справочник обо всех действующих монастырях и храмах Московской епархии³. «Православная Москва» — так называется это уникальное издание. Ко дню выхода справочника в свет в Московской епархии, разделенной на 8 благочиний, находилось 7 соборов и храмов Московского Кремля (богослужение совершается в трех), 7 храмов патриаршего подворья в Китай-городе, 4 монастыря с 23 соборами и храмами (богослужение в десяти), 197 приходов, ряд которых имеют приписные храмы. Всего — 222 приходских храма, из них отправляются службы в 135. В справочнике приводится точное название храма, его адрес, транспорт, на котором можно до него доехать, имена священников, излагается краткая история храма, говорится о его святынях и времени богослужений. Мы узнаем, что почти при каждой церкви имеется воскресная школа, обучаются дети, но часто и взрослые, для которых устраиваются особые занятия. Это чрезвычайно важно, так как целые поколения практически были отлучены от церкви и православных духовных ценностей. При многих храмах устроены библиотеки, различного рода курсы и кружки — Закона Божьего, хоры, иконописи, вышивки, изготовления искусственных цветов. Из справочника мы узнаем, что порой большую душевную и просветительскую работу ведут приходы, в храмах которых еще невозможно совершать богослужение. Так, в общину храма Покрова в Измайлове, еще не возвращенного Церкви, входит братство христианских врачей, при храме Влахернской иконы Божией Матери в Кузьминках действуют четыре группы воскресной школы и иконописный класс, при храме преподобного Федора Студита у Никитских ворот имеется детский сад и читается цикл лекций «Путь к храму».

Справочник дает богатейший материал о жизни приходов, мы не будем повторять этих данных. Процесс возвращения храмов продолжается: открываются и готовятся к открытию новые церкви. Ко времени публи-

кации настоящей статьи число их, несомненно, умножится. Начались богослужения в храмах Вознесения на Гороховом поле, Успения в Печатниках, Вознесения в Барашах, Косьмы и Дамиана на Покровке. Во многих храмах продолжаются реставрационные работы.

Попробуем же совершить небольшое паломничество по вновь открытым московским монастырям и церквям.

В Китай-городе на Никольской улице находится колыбель московского образования – здесь некогда, в XVII веке, в Заиконоспасском монастыре была открыта сначала школа Симеона Полоцкого, а затем Славяно-греко-латинская академия, впоследствии преобразованная в Духовную академию и переведенная в Троице-Сергиеву лавру, где она находится и поныне. Сейчас восстановлено богослужение в нижнем храме монастыря. Каждый день здесь служат литургию. И здесь же происходят занятия Российского Православного университета св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова, а сам храм принадлежит Отделу по религиозному образованию и катехизации Московской Патриархии, ректор его – известный византист игумен Иоанн Экономцев.

Почти рядом с Заиконоспасским – древний Богоявленский монастырь, основанный в XIII веке великим князем Даниилом Александровичем. После закрытия монастыря храм Богоявления конца XVII столетия, видный с Театральной площади и некогда бывший украшением Китай-города, оказался доведен в 30-х годах до угнетающего состояния, затем немного подреставрирован к 800-летию Москвы. Потом снова стал разрушаться. Глава так и не была восстановлена. В 80-х годах здесь работали энтузиасты Общества охраны памятников, но многого сделать не могли. Наконец, в мае 1991 года храм был возвращен верующим как приходский. Колокольня тоже оказалась снесена, но теперь воздвигнута новая звонница – в традициях русского деревянного зодчества.

Возобновились службы и идет реставрация в бывшем Знаменском монастыре, а в октябре 1993 года была совершена первая служба в одной из древнейших московских церквей – Зачатия св. Анны «что в углу»: некогда, в XVI веке, ее углом обошла строившаяся китайгородская стена. Ныне она стоит непосредственно на набережной, украшая панораму Москвы-реки.

Совершенно уникальным явлением в духовной жизни Китай-города и всей Москвы стал заново построенный Казанский собор на Красной площади. Строительные работы продолжались менее года. Так увенчались труды Петра Дмитриевича Барановского, перед сносом собора делавшего обмеры, и

ученика его Олега Игоревича Журина, главного архитектора, руководившего строительством.

Возвращены к жизни и многочисленные храмы Белого города. Из них первым следует назвать церковь Николы в Кленниках (вернее, Клинниках) в начале Маросейки. О ней написано много⁴. Храм имеет особую судьбу – это, вероятно, единственный московский храм, сохранивший свой прежний приход, более того, прихожанами его продолжают считать себя дети и внуки тех, кто еще видел о. Алексея Мечева или погибшего в лагере сына его о. Сергия – давних, еще довоенного времени, настоятелей храма. В церкви Николы в Кленниках своя иконописная мастерская, которой руководит о. Николай Чернышев, написавший интересную статью о проблемах современной иконописи в «Московском журнале»⁵. Есть и свой резчик по камню. Интерьер верхнего храма решен в древних традициях. Живопись во всю стену как бы воспроизводит многоярусный иконостас XVII века с его «рядами», и не сразу понимаешь, что это роспись по кирпичу, а не отдельные иконы. Недавно открылся и храм-крестильня в нижнем этаже с прекрасным иконостасом в древнем стиле.

На Славянской площади сохранился и вновь открыт храм Всех Святых на Кулишках. Особый дух доброжелательности встречает каждого, кто входит под его своды. Храм открыт весь день, службы торжественные, хорош хор и хороши проповеди настоятеля

о. Мартирия Багина. Гуманностью и любовью дышат эти проповеди. Каждый месяц очередную проповедь печатает районная газета «Ю.-В. Курьер», газета продается тут же, в храме. Однажды в интервью на вопрос корреспондента, указавшего, что многие, кто приходят в церковь, просто стоят и относятся к службе, как к театральному действу, о. Мартирий ответил: «Если у людей есть потребность в храм зайти, значит, почувствовали они безысходность жизни без цели, без идеи. Без Бога. А почувствовав, интуитивно потянулись к источнику Истины. И пусть они в храме получают пока только эстетическое наслаждение – не все еще потеряно для этого конкретного человека»⁶.

В соборе Рождественского, а вернее, Богородице-рождественского монастыря, основанного еще в XIV веке Марией Кейстутьевой, матерью героя Куликовской битвы Владимира Серпуховского, службы возобновились с мая 1992 года. Однако и до этого здесь «мирским чином» служили студенты близлежащего архитектурного института. В пустое помещение собора приносили иконы, свечи. На служение приходили и окрестные жители.

Особое место среди храмов Москвы занимает собор Сретенского монастыря. Настоятелем в нем о. Георгий Кочетков. Долгое время в соборе находились реставрационные мастерские. Храм был освящен в январе 1991 года, но мастерские из него не выезжали, служение происходило в коридоре, сплошь набитом прихожанами. Теперь помещение освобождено. Ныне, как гласит объявление, здесь православно-миссионерский приход, первый в Москве. Для крещаемых и принимающих причастие впервые – катехизация (несколько месяцев обучения и участия в службах), для крещаемых – оглашение. С целью лучшего восприятия духа и смысла православного богослужения молитвы частично русифицированы. На каждой службе – проповедь.

Долго пришлось бороться за свой храм общине церкви Косьмы и Дамиана в Столешниковом переулке, где находилась типография. Сначала тоже служили в небольшой комнате на втором этаже. Ныне приход большой, приходская жизнь активна. На паперти висит своего рода извещение – «Дела милосердные»: «Кто сможет поделиться?», «Кто сможет помочь?» Указывается, что именно нужно – от одноразовых шприцев и лекарств до посуды для детского приюта, и тут же просят подойти тех, для кого помощь уже организовали. В храме служат известные священники Александр Борисов и Владимир Лапшин. Посвященный в сан диакона молодой ученый-богослов Георгий

Чистяков выпустил брошюру о молитвах и гимнах в православном богослужении под названием «Тебе поем».

Ряд храмов открылся в Замоскворечье, среди них храм XVII века Георгия в Ендове, или в Ендовах. Здесь ныне подворье Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря. В тяжелейшем состоянии оказался храм Марона-пустынника около Якиманки. Главный престол в нем – в честь Благовещения. И хотя храм был еще в развалинах и регулярно служились только молебны и всенощные, объявление на паперти соседней церкви Иоанна Воина сообщало, что Благовещение – храмовой праздник у Марона-пустынника и поэтому накануне праздника состоится всенощное бдение и литургия.

Особая духовная жизнь в храме Николы на Берсеневке. «К сведению посетителей церкви» – сообщает объявление у храма. Мы узнаем, что указом Патриарха настоятелем здесь назначен председатель Союза православных братств иеромонах Кирилл, что основу прихода составляют члены православного братства во имя Всех Святых, что особенностью богослужения является строгое уставное, без сокращений их отправление, что поклоны согласно церковному уставу делаются всеми одновременно, поет хор древнего распева, после богослужений проводятся собрания братства и, наконец, «прихожане будут рады новым членам своей семьи». И то же объявление гласит, что это храм, «в котором возрождаются древнерусские традиции благочестия в пении, чтении, уставе».

В Земляном городе, между Бульварным и Садовым кольцом, открылась не одна церковь. В храме Никиты Мученика, что за Яузой, ныне Афонское подворье; здесь можно подать записку, по которой вашего близкого помянут на Афоне. Получил свой первоначальный облик великолепный храм Троицы в Листах около Сухаревской площади, сверкает белизной и голубыми куполами церковь Рождества Богородицы в Путинках, в которой долгие годы держали цирковой реквизит, возрождено Большое Вознесение, где венчался некогда Пушкин и ныне в день его кончины служат по нем панихиды. В тяжелых условиях находился храм Иоанна Богослова у Тверского бульвара, попавший в ведение соседнего с ним театра и отданный под столярный цех. Но теперь и этот храм, обезображенный изнутри, возвращается верующим.

Оживаю церкви в арбатских переулках. К единственному до недавнего времени храму Воскресения Словущего в Б. Филипповском переулке прибавились пока два. Храм Афанасия и Кирилла на Сивцевом Вражке уже проводит воскресные службы.

Здесь продают образа, церковные газеты, стоят тарелки – «На развитие книжного дела» и «На колокол». Годы потребовались, чтобы богослужение вернулось в храм Спаса на Песках, хорошо известный по картине Поленова «Московский дворик». Больно было смотреть, как его захламила, замусорила студия мультфильмов, которая здесь помещалась. Ныне в уже отремонтированном северном приделе – побеленные своды, несколько древних образов и множество горящих свечей. А у входа в то сумрачное октябрьское утро, когда мне довелось быть в храме, оживали в тазике свежие розы.

Между Садовым кольцом и Камер-коллежским валом возобновлено более десяти церквей. Упомянем среди них храм Мартина Исповедника на Таганке, где служат пока в небольшом помещении трапезной. Великолепный его иконостас, сохраняемый в Донском монастыре – бывшем музее архитектуры, – поставить некуда: главный храм был отдан архиву Книжной палаты. Два храма – Дмитрия Прилуцкого и Михаила Архангела – оба «при клиниках» – открыты в районе Пироговской улицы и недалеко от них – храм Воздвиженья на Чистом Вражке, где венчался А.П.Чехов с О.Л.Книппер-Чеховой, о чем сообщает справка на ограде храма. А храм Дмитрия Царевича при 1-й Градской больнице, открытый в ноябре 1990 года, хранит в себе особый, возвышенный настрой – недаром это произведение М.Ф.Казакова, а считают, что проект был

составлен В.И.Баженовым. Стараниями настоятеля Аркадия Шестова при храме помимо воскресной школы создано Свято-Дмитриевское сестричество, осуществляющее дела милосердия. Сестры трудятся в восьми самых тяжелых отделениях больницы. При храме – православное училище сестер милосердия.

Ныне в Москве четыре монастыря: три из них – это Данилов, Донской и Новоспасский, четвертый – Николо-Угрешский, расположенный за кольцевой автомобильной дорогой. В Даниловом освящены все храмы. Часть зданий Донского все еще занимает Музей архитектуры, а в Большом соборе стоит алтарь лютеранской кирхи из Старосадского переулка, откуда никак не выберется студия «Диафильм». Глубоко прочувствовать духовную жизнь можно в Новоспасском монастыре, древней обители. Здесь немного братии – «Православный вестник» называет наместника, четырех иеромонахов и семь послушников. Но в нем ежедневно совершается утреннее и вечернее богослужение, много молящихся и возрождается удивительный иконостас – творение мастеров XVII века.

Если в историческом центре Москвы много храмов и относительно мало жителей, то чем дальше от центра, тем больше жителей и меньше храмов. И храмы, как правило, это бывшие сельские или усадьбные церкви, рассчитанные некогда на «свое» село. В воскресенье и праздники они переполнены.

К тому же если в центре храмы снаружи еще как-то приводились в порядок, то на окраинах местные власти не очень-то церемонились с предназначенными на снос зданиями, и верующим эти храмы достались большей частью в развалинах. В развалинах был и лишь с трудом восстанавливается один из первых вновь открытых храмов в Крылатском. Возрожден почти из праха усадебный храм Троицы в Воронцове. От Благовещенской церкви в Бибиреве, когда она была передана верующим, оставался только каменный Сергиевский придел с проломленным алтарем, разрушенными стенами, без окон, без дверей и главы. Храм был обречен на слом, и только усилиями энтузиастов Общества охраны памятников, работавших на консервации здания, он не был снесен. Успешно восстанавливается сельский храм в Бусинове, также доставшийся верующим в развалинах. Здесь, в новом микрорайоне, большое население и храм полон. Возрождается церковь Косьмы и Дамиана около Химкинской больницы, а под Дмитровскую субботу 1993 года возобновились богослужения в старинном храме Троицы в Карачарове на Рязанском проспекте. В главном помещении уже стоит алтарная преграда с прекрасным деревянным некрашеным крестом. Настоятель о. Михаил усердно собирает сведения по истории храма.

Своеобразна судьба древнего Крутицкого подворья. С конца XIII века на пожалованной князем Даниилом Александровичем земле возникли монастырь и подворье епископов Сарских и Подонских (их епархия находилась на территории Золотой Орды). Позже Сарскую и Подонскую епархии переименовали в Крутицкую. В 1498 году была построена домовая церковь Воскресения Словущего, а в конце XVII века – Успенская церковь с Петропавловской в нижнем этаже. Когда митрополичье подворье в 1788 году оказалось упразднено, Успенскую церковь превратили в приходскую, а Воскресенскую

вообще ликвидировали – были сняты купола и кресты, а помещение превращено в цейхгауз и по всему подворью разместились казармы. В 1970–1980-е годы реставрацию подворья вел П.Д.Барановский. Теперь, после более чем двухсотлетнего перерыва, возобновилось богослужение в Воскресенской церкви. В подворье располагается штаб-квартира Всецерковного православного молодежного движения, действует библиотека, организуются паломнические поездки и реставрационные отряды. В апреле 1993 года освящен Петропавловский нижний храм. На дверях храма мне довелось прочитать обращение к прихожанам: «Просим ваших св. молитв о скорейшем освобождении храма Успения Божией Матери на Крутицах, используемого Гос. Историч. музеем как склад экспонатов».

Благословляя выход справочника «Православная Москва», святейший Патриарх Алексей II писал: «В Москве за последние годы возвращено Церкви и освящено более ста православных храмов... И пусть многие из храмов еще не имеют того благолепия, которое украшало их в прошлом, но уже возносится молитва и совершается Божественная Евхаристия, люди Божии получают благодать Господню в таинствах Церкви. При храмах возрождаются церковноприходские и иконописные школы, библиотеки, братства и общины сестер милосердия. Новые делатели выходят на ниву Христову».

Литература

- ¹ Подробнее см.: Пашаева Н.М. Возвращение святыни. Вновь открытые храмы Москвы // Сборник «Православие и русская народная культура. М., 1993.
- ² Трубецкой Е. Три очерка о русской иконе. Новосибирск: изд-во «Сибирь XXI век», 1991. С. 111.
- ³ Православная Москва: Справочник. М.: Братство Святителя Тихона, 1993. С. 224.
- ⁴ Храм Николая Чудотворца в Кленниках. М.: изд. «Московского журнала», 1991. С. 207.
- ⁵ Чернышев Н. Восстановление храма. Связь Истины и Красоты // Московский журнал. 1991. №12. С. 28–32.
- ⁶ Ю.-В. Курьер. 1993. №12. С. 6.